

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Теоретический семинар
«Крестьянский вопрос
в отечественной и мировой
истории».

Материалы первого заседания

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kr_vopros_sem.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ОПУБЛИКОВАНО:

Марченя П.П., Разин С.Ю. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 375–416.

НУМЕРАЦИЯ ТЕКСТА СООТВЕТСТВУЕТ ОФИЦИАЛЬНОМУ ПЕЧАТНОМУ ИЗДАНИЮ:

Далее везде после номера страницы (выделенного зеленым цветом) следует текст, соответствующий тексту на этой странице в источнике (Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7; под ред. А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой, Т. Шанина; [Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук]. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 375–416).

Другие публикации проекта см.: <http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvu>

375

П. П. Марченя, С. Ю. Разин

Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

Материалы первого заседания

В 1990-е гг. заметным явлением в общественных науках России стал систематически проводившийся под эгидой Института российской истории РАН и Междисциплинарного академического центра социальных исследований (Интерцентра) Московской Высшей школы социальных и экономических наук теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития» (далее – «Современные концепции...»). Его организация была связана прежде всего с именами двух известных ученых – британского крестьяноведа и социолога Теодора Шанина и отечественного историка-аграрника Виктора Петровича Данилова. Регулярные заседания этого семинара и их освещение в ведущих общероссийских научных изданиях* способствовали повышению роли крестьяноведения в отечественной науке и популяризации крестьяноведческих исследований.

12 ноября 2010 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации»[†] (далее – «Народ и власть...») в Институте социологии

* См.: Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5; 1993. №№ 2, 6; 1994. №№ 2, 4–5; 6; 1995. №№ 3, 4, 6; 1996. № 4; 1997. № 2; 1998. № 6; *Бабашкин В.В.* Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 291–300; *Бабашкин В.В.* Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М., 1999. С. 280–288; и др.

[†] <http://www.google.com/profiles/narodivlast>.

РАН состоялся Международный круглый стол общенационального научно-политического журнала «Власть» **«Крестьянство и власть в истории Рос-**

376

сии XX века»*. Ведущим «стола» выступил известный российско-белорусский ученый-крестьяновед, историк и политолог О.Г. Буховец.

Этот круглый стол стал вторым международным научным мероприятием названного проекта, продолжив развитие дискуссий, начатых 23 октября 2009 г. на круглом столе **«Народ и власть в российской смуте»**[†], ведущим которого был авторитетный российский «смутовед» В.П. Булдаков.

Если первый «стол» был посвящен проблеме взаимодействия власти и народа в ситуациях социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества[‡], то второй, в свою очередь, конкретизировал эту исключительно дискуссионную тематику на материалах взаимоотношений крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в беспрецедентно богатом на общественные потрясения прошлом столетии. В таком контексте «крестьянский вопрос» рассматривался как узловая проблема россиеведения, в которой сосредоточены ключевые конфликты российской истории.

Одним из результатов работы «стола» стала достигнутая бывшими активными участниками и соорганизаторами семинара *«Современные концепции...»* В.В. Бабашкиным и А.М. Никулиным (Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (далее – ЦАИ РАНХиГС) и соавторами проекта *«Народ и власть...»* П.П. Марченя и С.Ю. Разиным договоренность об организации совместного постоянно действующего теоретического семинара **«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»** (далее – «Крестьянский вопрос...»). По замыслу организаторов, он должен стать наследником и продолжателем традиций семинара *«Современные концепции...»*. Эта

* См.: *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // *Власть*. 2011. № 8. С. 161–171; № 9. С. 173–184; и др.

† См.: *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте» // *Власть*. 2010. № 4. С. 14–17; № 5. С. 10–14; № 6. С. 13–17; № 7. С. 9–14; № 8. С. 9–13; № 9. С. 16–21; и др.

‡ См. также: *Народ и власть в российской смуте: Сб. науч. ст. участников Междунар. круглого стола «Народ и власть в российской смуте»* (Журнал «Власть», Ин-т социологии РАН, Москва, 23 окт. 2009 г.). М.: Изд. ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 2010. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 1).

идея получила одобрение одного из патриархов крестьяноведения и основателей этого семинара Т. Шанина.

377

В результате, 27 апреля 2011 г. в РАНХиГС состоялось **первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос...»**, в котором приняли участие ученые, представлявшие научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России (Москвы, Казани, Пензы, Тамбова). На обсуждение участников заседания были вынесены доклад главного редактора журнала «Российская история» доктора философских наук, профессора Высшей школы экономики, главного научного сотрудника ИРИ РАН **А.Н. Медушевского «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России»** и доклад кандидата исторических наук, доцента Казанского (Приволжского) Федерального университета **Д.И. Люкшина «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос»**.

В ходе обсуждения этих докладов состоялась оживленная дискуссия. Кроме самих докладчиков, в ней приняли участие (в алфавитном порядке): доктор исторических наук, профессор РАНХиГС **В.В. Бабашкин**; доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета **В.Б. Безгин**; доктор исторических наук, заведующий сектором ИНИОН РАН **А.В. Гордон**; доктор исторических наук, профессор РАНХиГС **В.В. Зверев**; доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного педагогического университета **В.В. Кондрашин**; кандидат исторических наук, доцент Московского университета МВД России и Российского государственного гуманитарного университета **П.П. Марченя**; кандидат экономических наук, директор ЦАИ РАНХиГС **А.М. Никулин**; доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий **С.Ю. Разин**; доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова **Н.Л. Рогалина**; кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного архива экономики **Т.А. Савинова**.

Мы предлагаем Вашему вниманию материалы первого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос...».

А.Н. Медушевский (далее – **А.М.**): Первый тезис моего доклада посвящен существу *аграрного вопроса*. Аграрный вопрос – это теоретическая конструкция, выра-

жающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Существуют различные подходы к определению аграрного вопроса. В советской историографии его содержание, в широком смысле, усматривалось в классовом конфликте по поводу земельной собственности и связанной с ним социальной борьбе. В узком

378

смысле, аграрный вопрос сводился к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Считалось, что наиболее эффективным способом решения аграрного вопроса является революция, подразумевающая экспроприацию земельной собственности с последующим ее переделом или национализацией.

В современной науке этот подход вызывает все большую критику. Прежде всего, предложенная советской историографией экономическая модель решения аграрного вопроса оказывается недостаточной, поскольку он шире его экономической составляющей и включает в себя серьезный социально-психологический компонент. Речь идет об изменении сознания, которое происходит при переходе от традиционного, аграрного общества к индустриальному. В ходе этого перехода возникает фундаментальный конфликт между представлениями основной массы населения о справедливости и позитивным правом. Этот конфликт находит свое выражение в соотношении таких понятий как «свобода» и «равенство».

Второй тезис, по которому идет критика традиционного подхода – это вопрос о роли экономики в развитии общества. В советской историографии она была явно преувеличена. Экономическая детерминанта поведения – такая же абстракция, как формула счастья. Она не является единой для разных эпох и стран. То, что считается богатством и вызывает зависть в одной системе социальных отношений, оказывается едва ли не бедностью в другой. Экономическая дифференциация становится вызовом социальной стабильности не тогда, когда она возникает, а лишь с того момента, когда она начинает рассматриваться значительной частью общества как несправедливая и аморальная. В этом смысле, экономический конфликт имеет деструктивные последствия только в контексте социальной психологии.

Третий тезис. Фактор экономического угнетения, о котором много говорила предшествующая историография, может реализовать свой деструктивный потенциал лишь при одном условии – при слабости государственной власти. В современной литературе показано, что одни и те же формы аграрного протеста – например, в периоды

революции 1905–07 гг. и коллективизации 1928–33 гг. – имели различные следствия: в первом случае они вели к дестабилизации политической системы, а во втором – к усилению репрессий и фактической консолидации авторитарной политической системы.

Четвертый тезис. Если отказаться от парадигмы экономического материализма, то важно ответить на следующие вопросы: Почему аграрная революция во Франции закончилась

379

установлением частной собственности на землю, а русская революция завершилась ее отменой? Почему русская революция завершилась не установлением буржуазной системы ценностей, а, наоборот, установлением коллективистского режима? Почему российская революция не знала успешной контрреволюции? Почему не было фазы Термидора или, может быть, ее пришлось ждать 70 лет? Почему до сих пор, как считают многие, аграрный вопрос оказывается решен непоследовательно? Почему происходит воспроизводство в трансформированном виде квазисловной иерархии? К этим вопросам мы обратимся по ходу нашего анализа.

Пятый тезис. Еще одним слабым местом советской историографии является ее фатализм, отрицающий вариативность, альтернативность исторического развития. Вариативный подход к историческим процессам крайне важен и необходим потому, что позволяет понять, можно ли было те или иные проблемы решить более конструктивным путем.

Сегодня существует необходимость переосмысления старых подходов и создания новой концепции аграрного вопроса. В основу этой концепции должно быть положено представление о том, что аграрный вопрос – феномен не только и не столько экономический, сколько социопсихологический, связанный с господствующими в массовом сознании представлениями о легитимности существующего распределения земельной собственности и их соотношением с позитивным правом.

Я исхожу из следующей трактовки аграрного вопроса: там, где осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов, независимо от реальной ситуации в экономике страны, аграрный вопрос существует. Там, где такое осознание отсутствует в массовом сознании – его нет. Этот подход позволяет ответить на поставленные выше вопросы и позволяет разрешить ряд важных противоречий, которые не могла решить предшествующая историография. Например, следующие проблемы:

Почему аграрный вопрос появился в Новое время, и почему его не было в древности (во всяком случае, в развитых формах)? Почему одна и та же программа его решения на одном этапе исторического развития отвергается, но затем возникает снова? Почему использование одной и той же программы дает неодинаковый результат в разных странах, при сходстве их аграрных институтов, или, наоборот, почему один и тот же результат возникает независимо от различий исходных условий? Почему одни страны оказались ввергнуты в аграрную революцию, а другие избежали ее?

Рассмотрение сущности аграрного вопроса связано с изучением проблемы легитимности форм землевладения и землепользова-

380

ния. Легитимность собственности определяется тремя измерениями: порядком ее распределения в обществе, способами ее приобретения в прошлом и средствами ее защиты в настоящем. Эти три измерения легитимности выделяются в основных теориях справедливости, существующих в современной литературе. Одна теория справедливости – это формально-распределительная справедливость (Дж. Ролз); другая теория выводит справедливость из исторической традиции (А. Макинтайр); третья теория связывает справедливость с действующим позитивным правом (Р. Нозик). Эти параметры легитимности обязательно должны быть учтены при анализе аграрного вопроса в предреволюционной России.

Следующий тезис связан с рассмотрением одного из этих измерений легитимности, а именно с представлением общества о справедливом или несправедливом порядке распределения собственности. По существу здесь возникает фундаментальный вопрос о том, является ли право собственности вообще и право частной собственности на землю в частности фундаментальным и естественным правом или, напротив, приобретенным правом, и нужно ли это право фиксировать в Конституции? В современной отечественной литературе эта проблема была поставлена в связи с принятием Конституции 1993 г., которая зафиксировала право частной собственности на землю, и Земельного кодекса 2001 г. Также эти дискуссии были и в других странах, например в ЮАР в период принятия Конституции 1996 г.

Впервые эти вопросы были поставлены в ходе подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. Тогда было представлено три основных концепции. Первая: личное освобождение крестьян без земли – предоставление крепостным личной свободы с одновременным лишением их права собственности на землю. Эта модель

имеет свои преимущества, к которым относится радикальное решение вопроса, и недостатки, главным из которых является то, что ее реализация приводит к возникновению пролетариата и тем самым порождает классический классовый конфликт.

Вторая концепция: освобождение крестьян с параллельной организацией их перемещения на новые государственные земли за счет государства. Крестьяне получали возможность стать собственниками земли, но ценой перемещения из центральных районов на окраины. В 60-е гг. эта идея не нашла применения, но она получила развитие в период столыпинской реформы.

Наконец, суть третьей концепции состоит в освобождении крестьян с землей, включая помещичьи земли, с предоставлением владельцам равного возмещения. В России эта концепция разрабатывалась в программе Конституционно-демократической партии,

381

которая выдвигала идею перераспределения земельных ресурсов с гарантией имущественных прав землевладельцев. После Второй мировой войны она была реализована в Индии, Японии, в некоторых странах Латинской Америки. В чем ее преимущества? Во-первых, сохраняется преемственность отношений собственности. Во-вторых, происходит перераспределение имущества в рамках фиксированных цен на землю, которые устанавливает государство. В этом случае конфликт права и справедливости, связанный с легитимностью собственности, трансформируется в вопрос о цене на землю.

В 1861 г. эти модели были отвергнуты, и была принята компромиссная формула – освобождение крестьян с землей, осуществляемое не в виде единовременного акта, но процесса, растянутого во времени. Данный компромисс потребовал таких уступок традиционализму как сохранение крестьянской общины, выведение крестьянских земель из купли-продажи, введение сервитутов и других переходных форм собственности и т.д. Реформа 1861 г., решив на тот момент проблему, все-таки заложила ряд проблем, связанных с легитимностью земельной собственности. В частности, она сохранила конфликт между крестьянскими представлениями о легитимности земельной собственности и позитивным правом.

Другой подход можно определить как традиционный путь обоснования легитимности. Он связан с вопросом о времени или исторической давности и правовом или неправовом характере приобретения земли различными социальными группами. Вопрос сводится к тому, кто первый пришел на эту землю, кто ее занял и кому эта

земля исторически принадлежит. Если проецировать этот подход на дореволюционную Россию, то нужно выделить три момента. Прежде всего, это вопрос о возникновении крепостного права. В зависимости от интерпретации того, что такое крепостное право, мы получаем различные типы легитимации реформ и различные последующие варианты эволюции аграрных отношений.

Я упомяну имевший место в дореволюционной историографии спор между сторонниками «указной» и «безуказной» теориями закрепощения. Первую отстаивал В.И. Сергеевич, вторую – В.О. Ключевский. Они исходили из разных форм права: Сергеевич опирался на публичное право, Ключевский – на частное, полагая, что правовые отношения крепостничества возникли не путем государственного принуждения, а путем заключения договорных сделок между владельцами земли – помещиками и крестьянами. Отсюда он делал вывод о том, что крепостное право в России было создано не государством, а только с учетом государства. Послед-

382

нему принадлежали не основания права, а его границы. Отмена крепостного права также не является делом исключительно государства. Обращение к этой интерпретации исторической легитимности права на владение землей стало юридической основой либеральных реформ, освобождения крестьян с землей, установления их права на нее путем компромисса с аналогичным правом помещика.

Если говорить о поиске оптимальной формулы землевладения и землепользования, то он начался уже в период складывания поместной системы и ее юридического оформления в XVII в. Отправной точкой корректировки этой конструкции следует признать петровское законодательство (Указ о единонаследии 1714 г., в котором и поместья, и вотчины были обозначены единым правовым термином «недвижимое имущество»), а также последующие дебаты в Уложенных комиссиях XVIII в., и, прежде всего, в екатерининской Уложенной комиссии 1767 г., когда вопрос о праве крестьян на землю был поставлен Коробьиним и другими депутатами. В дальнейшем значительную роль в этом процессе сыграли записка А. Поленова, в которой выдвигалась идея наследственной крестьянской аренды земли, идеи и практика М. Сперанского, Н. Мордвинова и П. Киселева, проекты Ю. Самарина и записка К. Кавелина, которая стала своеобразной «дорожной картой» Великой реформы 1861 г.

В ходе реформы принципиальное значение получила полемика об историческом содержании права на землю, связанная с дискуссией о крепостном праве. Как

следует интерпретировать крепостное право? Означает ли оно «крепость» крестьянина помещику, как считали некоторые дворянские идеологи? При таком подходе крепостное право близко рабству в его римском понимании, причем крестьянин не имеет никаких прав на землю. Или крепостное право означает «крепость» крестьянина земле? При этом подходе крестьянин – свободный человек, имеющий право на землю. Данный вариант и был положен в основу рабочей концепции реформаторов.

Разведение юридических понятий рабства и крепостничества было очень важно не только в России периода реформы 1861 г., но и для аналогичных процессов в других странах. Схожую аргументацию использовали аболиционисты в период отмены рабства в США. Влияние логики этих дебатов прослеживается в ходе аграрных реформ в послевоенной Индии, в странах Латинской Америки и в ЮАР периода отмены апартеида. Ключевое значение приобретает новая интерпретация права собственности, которое начинает

383

включать владение, пользование и распоряжение имуществом, но не людьми.

Во всех подобных случаях решающим фактором инициирования реформ становилась не экономика и демография, а философские и моральные соображения. Это весь круг проблем, связанных с моральной экономикой, с этическими основаниями распределения собственности. Все это, безусловно, связано с исторической легитимностью прав собственности на землю. Историческая легитимация прав собственности лежала не только в основе реформы 1861 г., но и определяла весь последующий вектор обсуждения крестьянского вопроса вплоть до С. Витте и П. Столыпина.

Третий момент, связанный с вопросами легитимации собственности, – характер защиты собственности. Это вопросы, связанные с правовой защитой отношений собственности. В современном обществе основу собственности составляет сам институт частной собственности и договор. В традиционном обществе этого не было. Там большую роль в регулировании этих отношений играло государство.

Во многих странах при переходе от традиционного общества к индустриальному возникает проблема *правового дуализма*. Феномен правового дуализма состоял в параллельном существовании двух правовых систем. С одной стороны – *позитивное право*, а с другой – *обычное крестьянское право*. Если первая правовая система отражала западные представления и насаждалась государством в интересах модернизации страны, то вторая соответствовала порядкам крестьянской общины с ее традициона-

лизмом, коллективизмом, уравнилельно-распределительными принципами трудовой этики, которые были прямо противоположны принципам рыночной экономики.

Хочу напомнить о дискуссии, имевшей место в дореволюционной теоретической русской литературе, в рамках которой были поставлены вопросы о соотношении позитивного и обычного права, а также о способах разрешения конфликта этих двух правовых систем. В ходе дискуссии было высказано три основных точки зрения. Одни исследователи полагали, что позитивное и обычное право равноценны. Другие исходили из того, что они неравноценны. Третья позиция состояла в том, что имеет место противоречие позитивного права и факта. Крестьянское обычное право – это вовсе не право, а фактические отношения, которые нужно подвергать, трансформировать под правовые нормы.

Исходя из этого, выдвигалось три концепции решения вопроса. Суть первой состояла в противопоставлении «справедливого» крестьянского права «несправедливому» государственному. Эта

384

идея присутствовала в различных аграрно-коммунистических проектах, начиная с известной работы А. Герцена о «русском социализме». Сторонники другой, формально-юридической концепции считали, что правовой дуализм должен быть преодолен путем распространения сферы действия гражданского права на сферу действия обычного права. Сторонники третьей концепции, которую можно определить как практически-государственническую, видели решение вопроса в преобразовании фактических отношений в соответствии с позитивным правом.

Эта позиция была положена в основу реформ Витте и Столыпина, которые выступали за распространение действующего гражданского права на все население страны, за предоставление крестьянам права беспрепятственного выхода из общины со всеми ее ограничениями, за поощрение государством индивидуальной трудовой деятельности – то есть за переход к рыночной экономике в сельском хозяйстве.

В основе столыпинской реформы лежала идея неприкосновенности собственности. Неприкосновенной объявлялась не только частная, но и все остальные виды собственности. Столыпин не предполагал перераспределения имущественных прав. Он фиксировал *status quo*. В отличие от Столыпина, кадеты предлагали, сохранив институт собственности, все-таки пойти на то, чтобы изъять у помещиков за справедливое вознаграждение часть земель и передать ее крестьянам.

Здесь мы можем констатировать, что анализ проблемы правового дуализма и различных интерпретаций права собственности очень важен для понимания фундаментального конфликта свободы и равенства, лежавшего в основе российской революции. Этот конфликт можно определить также как конфликт принципа защиты прав собственника, с одной стороны, и необходимости жесткого, подчас граничащего с правовым волюнтаризмом, регулирования отношений собственности в условиях социальных преобразований. Это – противоречие легитимности земельных отношений, которое лежало в основе многих социальных конфликтов XIX–XX вв.

Я полагаю, что основу крупнейших социальных потрясений Нового и Новейшего времени составляет разрыв легитимности и законности, представлений о справедливости и позитивного права. Эту идею в свое время четко выразил Л. Петражицкий, который говорил о том, что основной конфликт, существовавший в России в начале XX в. – конфликт интуитивного понимания права или ощущения справедливости, с одной стороны, и позитивного права, с другой. Позитивное право, таким образом, выступает как более консервативная сила. Оно должно меняться в соответствии с из-

385

менением интуитивных представлений о справедливости. Если этого не происходит, то возможна революционная отмена старого позитивного права.

Предложенный выше подход к анализу генезиса социальных конфликтов XVII–XX вв. позволяет уточнить само понятие «революция» и по-новому подойти к вопросу о типологии революций. В этом контексте, следует вспомнить теорию революций американского социолога Б. Мура, согласно которой существует три вида революций. Первый тип – это буржуазная революция, результатом которой становится частная собственность на землю и западная форма демократии (Англия, Франция, США). Второй тип – это консервативная «революция сверху», завершающаяся установлением фашистского режима (Германия, Италия, Япония). Третий тип – это крестьянская революция, завершающаяся реализацией утопического коммунистического проекта (Россия, Китай и другие бывшие социалистические страны). Специфика этой модели заключается в господстве правового нигилизма и волюнтаризма, в разрушении института собственности. Такие революции ведут к ретрадиционализации, к восстановлению архаичных институтов и представлений, таких как Советы, которые становились тормозом устойчивого и разумного процесса социальных преобразований.

Эта модель аграрно-коммунистической революции интересна тем, что в основу социального переустройства была положена совершенно утопическая концепция решения аграрного вопроса. В России она была представлена близкой представлениям крестьян эсеровской идеей уравнительного распределения государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой. Причина утопизма этого решения состоит в невозможности осуществления и последующего поддержания фактического равенства в распределении земли: во-первых, его сторонники не могли определить, что такое единая трудовая норма; во-вторых, уравнительное распределение земли невозможно в силу того, что меняется численность населения; в-третьих, непонятно, как учитывать различное качество земли при ее распределении (и неизбежном последующем перераспределении), особенно имея в виду возможности ее различного хозяйственного использования.

Осознание утопичности этой модели ведет к появлению идей экспорта аграрной революции. Эти идеи нашли свое выражение в теории и практике Коминтерна, который пытался осуществить «черный передел» в других странах. Реализация этой модели, в конечном итоге, ведет к тупику «социалистической национализации» в форме коллективизации, то есть к установлению монополии

386

государственной собственности на землю. Она заканчивается восстановлением доиндустриальных форм эксплуатации крестьян государством, основанных исключительно на насилии. Таким образом, реализация крестьянских представлений о справедливости ведет к ретрадиционализации общества.

Этим революционным методам следует противопоставить реформационный путь аграрной модернизации, который, хотя и был достаточно часто релятивистским в отношении права, все-таки позволял сохранять институт частной собственности хотя бы как важный социальный ориентир. Можно говорить о том, что эта концепция реализовалась в рамках конструкций авторитарной модернизации Столыпина в России, Наполеона III во Франции, Бисмарка в Германии, Чан-Кайши в Китае, Каррансы в Мексике и т.д.

Моделью для такого рода реформ в известной мере выступает Великая реформа 1861 г., которая разрешила серьезный социальный конфликт, не разрушая отношений собственности. В отличие от революции, трансформация общества достигалась не за счет массовой мобилизации на основе негативных ценностей (то есть отнять и поде-

лить поровну), а за счет вмешательства государства в регулирование отношений собственности, за счет умелых манипуляций психологией традиционалистского населения элитными группами и за счет эффективной управленческой деятельности.

Почему в начале XX в. произошел срыв модернизации в России? Под срывом я понимаю сползание страны в аграрную революцию и разрушение отношений собственности. В нашей историографии, как известно, длительное время существовала автоматическая привязка революции к аграрному вопросу. Настало время развести эти проблемы и сказать о том, что аграрный вопрос и революция прямо не связаны между собой. Если подходить к аграрному вопросу с позиций коллективной социальной психологии, с позиций конструирования различных типов справедливости, различных моделей соотношения свободы и равенства, то нужно сказать, что связь между аграрным вопросом и революцией имеет опосредованный характер.

В настоящее время одной из гипотез, которая позволяет интерпретировать революционные процессы, является так называемый закон Токвиля. По мнению Токвиля, революция происходит тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, при котором, однако, ожидания продолжают расти. Токвиль заметил связь между ростом благосостояния и ростом агрессивности общества. Этот подход выводит нас на постановку нескольких проблем, которые важны

387

для понимания подлинной связи между аграрным вопросом и революцией.

Во-первых, это проблема относительной депривации, то есть ощущения психологического дискомфорта, социального разочарования в условиях относительного, а не абсолютного ухудшения экономического положения населения. Длительное время в историографии существовал тезис о том, что рост эксплуатации вел к росту классовой борьбы и, в конечном итоге, к возникновению революционной ситуации. Применительно к положению в России до и после реформы 1861 г. этот тезис не подтверждается источниками. Действительно, после 1861 г. происходит определенный экономический спад. Однако затем он сменяется быстрым подъемом. По темпам экономического роста на рубеже XIX–XX вв. Россия занимала одно из ведущих мест в мире. Таким образом, нет никакой прямой связи между экономической деградацией в аграрных отношениях и ростом революционных настроений. Скорее наоборот, рост рево-

люционных настроений был связан с определенными экономическими успехами, достигнутыми в результате реформы 1861 г. и столыпинской аграрной модернизации.

Во-вторых, предметом анализа должен стать сам феномен завышенных ожиданий как психологическая предпосылка крушения модернизационного проекта. Откуда брались завышенные ожидания в России? Их источником были представления крестьянства о несправедливости существующего распределения земли. Причем эти представления не только не ослабевали, но нарастали по мере юридического раскрепощения крестьянства в ходе реформы 1861 г., и особенно после 1907 г. Чем больше крестьяне получали прав и чем ближе становился их статус с другими слоями общества, тем больших прав собственности они требовали. Планка социальных запросов крестьянства оказывалась значительно выше его способности конвертировать этот новый социальный и правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция выражала, развивала и эффективно использовала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных следствиях для общества в целом и своего собственного положения. Вот в этом я вижу специфический российский феномен завышенных ожиданий.

В-третьих, особого внимания заслуживает вопрос о происхождении социальной агрессии и предпосылок ее выхода наружу в различных формах девиантного и делинквентного, или даже насильственно-криминального поведения. Следствием успешной аграрной модернизации повсюду становится распад традиционных социальных связей, сдерживавших ранее эти формы протест-

388

ного поведения. В современной литературе хорошо показано, что в рассматриваемый период рубежа XIX–XX вв. происходит распад религиозных ценностей, общинной организации, традиционной семьи. Складывалась парадоксальная ситуация, когда этот процесс, являвшийся содержательным следствием модернизации, готовил мощный ресурс для ретрадиционализации общества. Крестьяне получили больше прав и больше свободы, чем могли рассчитывать ранее, но не знали, куда ее девать. Это приводило к росту агрессивности, которая проявлялась в насильственных действиях революционных толп, в частности, в поджогах помещичьих имений. В целом эту ситуацию можно, используя известное выражение, охарактеризовать как «бегство от свободы». Она стала возможна в результате того, что традиционалистские уравнилительно-распределительные представления о справедливости возобладали над позитивным

правом. Таким образом, причиной роста социальной агрессии крестьянства являлись не экономические, а психологические факторы, подкрепленные слабостью государственной власти, не способной одновременно проводить модернизацию и осуществлять жесткий контроль (эффективно осуществлявшийся ранее в традиционном сословно-иерархическом обществе).

В-четвертых, в условиях неустойчивого равновесия и роста социальной напряженности очень опасен неожиданный отказ власти от реформ и поворот к контрреформам. Действия государства, которые в других условиях могли бы рассматриваться как техническая корректировка тех или иных реформ, в условиях неустойчивого равновесия начинают рассматриваться как контрреформы. К тому же, это служит сигналом для мобилизации сил, выступающих за разрушение существующей системы. Непоследовательность и ошибки государства в стратегии и технологиях преобразований являются важным фактором дестабилизации политической системы, особенно если это сопровождается поражением в войне, которое само по себе жестко ставит вопрос о легитимности существующей политической и правовой системы.

В-пятых, важнейшим условием успеха модернизации является когнитивное доминирование ее сторонников в обществе. Такое доминирование было достигнуто в ходе реформ 60-х гг., когда сформировался союз просвещенной части бюрократии и интеллигенции. Но затем этот союз распадается. Во второй половине XIX – начале XX вв. в среде российской политической и интеллектуальной элиты появились три основных подхода к решению вопроса о судьбе, тактике и стратегии модернизации: почвеннический, либеральный и радикально-революционный. Традиционалисты-почвенники считали, что модернизация противоречит

389

национальным интересам и выступали за отказ от нее. Либералы-западники выступали за проведение форсированной модернизации, не считаясь с готовностью основной массы населения. Левые экстремисты стремились воспользоваться порожденным модернизацией конфликтом между традиционалистским массовым сознанием и позитивным правом для отказа от нее и захвата власти. Этот последний подход можно назвать формулой большевизма.

Большевикам удалось использовать отсталое массовое сознание как инструмент для реализации своих политических целей. Это удалось им потому, что в политической элите Российской империи не было единства по вопросам стратегии модерниза-

ции страны. Государственная власть утратила существовавшие ранее действенные рычаги формирования сознания крестьянства и его этических представлений (чему в огромной степени способствовала ситуация Первой мировой войны). В результате происходит лавинообразное движение с парадоксальными последствиями. В конкуренции различных моделей аграрного переустройства начинают доминировать мифы Французской революции и коммунизма, которые являются совершенно абсурдными с точки зрения здравого смысла, но выступают «справедливыми» с точки зрения крестьянского сознания и чрезвычайно эффективными с точки зрения большевиков.

Таким образом, отказ от экономического детерминизма в изучении революции и реформ заставляет переосмыслить сам предмет исследования. Если системный кризис аграрных отношений существовал, то он был скорее кризисом сознания, а не кризисом экономики. Причина революции – неспособность традиционалистского авторитарного режима управлять процессом модернизации, который был успешно запущен либеральными реформами 60-х гг. XIX в., но не был доведен до логического конца. Ситуация незавершенной модернизации, в том случае если традиционалистские представления о справедливости не регулируются государством и если они не совмещены с позитивным правом, становится чрезвычайно опасной.

Возможность революционного срыва превращается в реальность вовсе не в результате каких-то экономических процессов или классовой борьбы, а в результате комбинации традиционалистского массового сознания, авторитаризма политической власти, не допускающей изменения позитивного права и существующих отношений собственности, и экстремизма радикальной интеллигенции, стремящейся использовать конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей.

390

Более полное изложение представленной концепции можно найти в моих работах «Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века» (М.: Наука, 2005), «Великая реформа и модернизация России» (Российская история, 2011, № 1).

А.М. Никулин: Спасибо. Слово предоставляется Д.И. Люкшину.

Д.И. Люкшин (далее – Д.Л.): История Россия, понимаемая в рамках пропедевтической онтологии, в нынешнем состоянии сильно смахивает на вырванную из учебника страницу с ответами. Результаты – вот они, а условия задачи неизвестны. Можно без труда указать очевидные итоги исторического процесса: падение монархии или,

например, разрушение хлебозаготовительного аппарата летом 1917 г. Здесь все ясно. Однако уже при первых попытках систематизации фактуры возникает затруднение с определением причин неравномерного распределения феноменов и условий их концентрации.

Дефицит субъективного начала, инспирируемого идеологической константой, не компенсируется ни новейшими державными указаниями, ни ссылками на синергетический эффект. За отвалами исторической руды смысловой горизонт не просматривается. Для ситуации постмодерна, где «означающее» по условиям игры скользит над «означаемым», проблема рассогласования смыслов априори не существует, поэтому такая ситуация не может рассматриваться как проблемная. Но вот для позитивной онтологии позиция: «Мы ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса» – очевидное свидетельство эпистемологического коллапса.

Лишенная идейного стержня, отечественная историография в начале 1990-х гг., в видах обеспечения сохранения дискурса и выживания корпорации, была принуждена обратить внимание на прошлое нашей страны. Одним из периодов наивысшей концентрации исторических событий оказалось второе десятилетие XX в. Это время, в котором сплетаются различные сюжетные линии российских историй – от бытовых до метафизических. Одна из таких линий – пересмотр символики либеральной политической оппозиции – к настоящему времени не может быть отнесена к числу избыточно обеспеченных научной литературой или окончательно решенных научных вопросов.

Для большинства исследователей осталось незамеченным то обстоятельство, что в годы Первой русской революции место *аграрного вопроса* – как основного содержания претензий оппозиции к власти – занимает *рабочий вопрос*. Рост численности промышленного пролетариата в городах и феноменальное событие декабря 1905 г. – знаменитая «Красная Пресня» – привели к тому, что оп-

391

позиция стала рассматривать рабочий класс как социальный слой, призванный сыграть роль передового барана в борьбе с властью. В сравнении с ним, крестьянство еле-еле раскачалось к 1906 г., а полученные крестьянством результаты были далеки от паралича власти, который наблюдался в октябре–декабре 1905 г.

Смена политического тренда позволила максимально обострить дискуссию на поле политики, что усиливало позиции «аннибалов либерализма», и определила фор-

мат политического торга последующего десятилетия. Однако для характеристики аграрного строя имперской России начала XX в. изменение места аграрного вопроса в политических лозунгах и требованиях оппозиции не является даже вспомогательным. Это всего лишь иллюстрация к выводу об искусственном характере аграрного вопроса для социального тела нашей страны.

Впервые об аграрном вопросе заговорили перед 1861 г., но всерьез о нем речь пошла уже после так называемых «Великих» реформ, когда по расписанию модернизаторов он должен был уже разрешиться. Аграрный вопрос, таким образом, выступил в роли симулякра, к которому были стянуты, вербализированы и предъявлены для обозрения политическим оппонентам претензии новой генерации адептов освободительного движения. Предпринятая в позднейшей историографии попытка определить фактическое содержание аграрного вопроса как проблемы крестьянского малоземелья, окончилась констатацией нерешенности и даже неразрешимости этой проблемы. Получалось, что в России земельный вопрос, нередко презентуемый как камень преткновения на пути Прогресса, так и не был решен – нехватка земли перестала быть злобой дня лишь после ликвидации крестьянства во второй половине прошлого века. Между тем объем хлебного экспорта – напрямую, а структура национального хозяйства – косвенно – свидетельствовали о высокой жизнеспособности крестьянского способа производства и его довольно высокой эффективности.

В качестве примера укажем на судьбу столыпинской реформы, представлявшей собой эффективный, радикальный, едва ли не единственно верный ответ на заданный либералами аграрный вопрос. Население однако восприняло правительственные усилия без особого энтузиазма и нередко в целях весьма далеких от замыслов реформаторов, что, к слову сказать, послужило одной из причин укреплению в нашей историографии мнения о провале столыпинской реформы. Хотя крестьяне, видевшие резоны в столыпинском землеустройстве, использовали свой шанс. Напротив, те, кто усматривал в ней вызов своим жизненным стратегиям, пытались противодействовать правительственному попечению. Ос-

392

новываясь на материалах Казанской губернии, могу сообщить, что с 1910 по 1914 гг. наблюдался всплеск антистолыпинских мероприятий, но ни одна из этих акций политической подоплеки не имела.

На сегодняшний день можно утверждать, что при распределении ролей между участниками будущей революционной драмы, имевшем место в теоретических дискуссиях начала XX в., речь шла вовсе не об учете реального потенциала акторов, а о визуализации образа симулякров, призванных символизировать продвижение по пути освобождения. Малоземелье здесь выступало в роли *ultima ratio*, предьявлявшегося в споре ревнителей реформ с имперскими структурами управления, полагавшими, что состояние общества достаточно стабильно и радикального вмешательства в бытие социального тела не требуется.

Аграрный вопрос как проблема предоставления крестьянам земли на самом деле в России начала XX в. не существовал, поскольку он не мог быть решен. Несложные подсчеты, произведенные неопитами аграрной истории, без труда позволяют доказать, что выполнение минимальной трудовой нормы в центральных губерниях не могло быть достигнуто без выселения части крестьян за пределы этих губерний. Как известно, ни администраторы, ни крестьяне в этом формате вопрос никогда и не ставили.

При этом процессы, протекавшие в крестьянских обществах, имели собственное содержание, с трудом переводимое на язык политического. Коллапс аграрно-социальной хозяйственной организации, вызванный реформами 1861 г., к началу второго десятилетия XX в. в целом был преодолен. Для этого потребовались избыточные усилия социального тела, которые хотя и не выходили за рамки этики выживания, но привели к деформации архитектуры моральной экономики как «сверху», так и «снизу».

Крестьянство воспринимало реформу 1861 г., в первую очередь, как покушение на свои исконные права, поскольку теряло не столько в земле, сколько в угодьях. Для разных категорий крестьян острота проблемы была разной. Для государственных крестьян в ситуации их бытовых усилий и этики выживания мало что менялось. Для помещичьих крестьян последствия были более тяжелыми, поскольку они привыкли существовать во многом за счет своих благодетелей. Помещичье хозяйство без помещика существовать не могло. Оно было неполноценно и нежизнеспособно без системы обмена взаимными неоплачиваемыми услугами.

Что касается деформации моральной экономики «сверху», то, нужно учитывать, что причиной реформ 1861 г. было отнюдь не альтруистическое желание государя дать

свободу своим подданным, а желание получить деньги на модернизацию вооруженных сил.

393

Основная идея Великих реформ состояла в том, чтобы порыться в крестьянских карманах и найти там денежки на государственные нужды. Наше государство, желая проводить какие-то реформы, всегда исходит из реализации своих конкретных интересов. В этом смысле, столыпинская реформа – попытка второй раз ограбить уже ограбленное крестьянство и уверить его в том, что это снова делается для его же блага. Приблизительно так крестьянство в основной своей массе эту реформу и понимало.

Произошедшие в архитектуре моральной экономики изменения, вызванные реформой и ее последствиями, не были закреплены традициями и моралью. Времени было недостаточно для того, чтобы успели сформироваться новые традиции. Обычное право творится в сфере совпадения индивидуальных представлений о должном, которые ограничиваются унификацией социальных практик. Объективные основания в нем, как правило, отсутствуют. В этом смысле, новый формат представлений о месте деревенского «мира» в структуре социума находился в стадии формирования.

Крестьянство в начале XX в. лишь приступило к плетению ткани новой социальности, призванной обеспечить стабильность социума. Сшитые на «живую» нитку кросскультурные связи были очень уязвимы. Столыпин почувствовал это шаткое состояние российского общества. Он требовал «20 лет покоя» не для проведения одной только аграрной реформы, а для укрепления и стабилизации новых социальных отношений и связей, и, в конечном счете, для создания новой России.

В годы Первой мировой войны новые, на живую нитку сшитые социально-хозяйственные практики оказались деформированы под воздействием миграционных потоков. Поэтому в некоторых областях крестьянские структуры повседневности оказались разрушены к началу 1917 г. В районах же, где мирская организация оказалась более устойчивой, общинники энергично воспользовались открывшимися возможностями для восстановления этики выживания. Утверждая старые принципы на новый лад, крестьянские общины в 1917 г. активно использовали «оружие слабых» – саботаж, порубки, потравы и т.п. Интерпретируя эти коллизии, не стоит забывать, что в системе моральной экономики беспорядки выполняют функцию семейных скандалов в формате: *Милые бранятся, только тешатся.*

Проблема в том, что данная форма коммуникации справедливо считается рискованной: если в «запале» диалога звучат запретные слова или производятся табуированные телодвижения, дело оборачивается революцией; если же стороны сохраняют приличия,

394

то все кончается реформами. Вот только понятия о пределах дозволенного у каждого участника дискуссии были свои, а интерпретация содержания дискутируемых тезисов осложнялась тем, что новая социальная конвенция еще не вступила в силу. Ритмы социальных интеракций в военной России явно не совпадали. В тот момент, когда крестьяне по итогам 1916 г. готовились перейти к милому завершению уютного семейного вечера, правительство решительно хлопнуло дверью, покинув пейзаж с их вопросами и проблемами в одиночестве.

Место Имперского правительства заступило Временное, деятельность которого фактически открыла шлюзы для развертывания сценария, который с 1993 г. носит *оксюморонное* название «*общинная революция*» (непредставимое хотя бы потому, что *община* и *революция* две вещи теоретически несовместимые). Случившееся в российской деревне 17-го года в рамках классических схем позитивной истории описано быть не может – из имеющегося в наличии комплекса фактов революция следовать не могла. Мировой исторический опыт свидетельствует о том же: селяне выступают силой консервативной (иногда, правда, говорят: «реакционной»), сдерживая лихой порыв бесшабашных пауперов. Однако же комплекс мемуаров, научных штудий и экспертных оценок, касающихся событий русской смуты начала XX в., сомнений не оставляет: заглавная роль в ликвидации ростков либерализированной государственности принадлежит селянам. Соответственно, именно крестьянское «*попустительство*» (определение С.Ф. Платонова) явилось решающим условием интронизации Советов. Для любого добросовестного исследователя не секрет, что на основе доброго позитивного метода истоки русской смуты остаются неочевидными, если, конечно, не принимать всерьез романтические истории о руководящей роли вездесущих большевиков, которыми тешились в сталинской интеллектуальной лакейской.

Напротив, истолкование событий 1917 г. с помощью крестьяноведческих подходов позволило получить логичную и внутренне непротиворечивую историческую картину Второй русской смуты, показать, что «общинная революция» проходила в рамках оборонительных стратегий крестьянства, которые в патримониальной монар-

хии облекались в форму агрессии. В условиях отсутствия гарантированных прав подобный вид коммуникации остается единственно доступным для населения, желающего апеллировать напрямую к самому высокому руководству. Вступая в игру, правительство, желающее продемонстрировать готовность к сотрудничеству, направляет к месту беспорядков полицейские силы (в тяжелом случае – воинские команды), для того чтобы урегулиру-

395

вать проблему. Когда крестьяне видят, что прибыла полицейская команда, то они делают вывод о том, что их *услышали*.

По итогам этих столкновений, на новом поле, разворачивается диалог между властью и населением, форма и содержание которого в России известны еще со времен князя Игоря Старого, и реплики действующих лиц в нем прописаны строго по канону: *Тезис* крестьянства – *Ответ* начальства, а затем совместная продуктивная работа. Правила игры не менялись вплоть до 1861 г., когда правительство в одностороннем порядке их пересматривает. В начале XX в. русскому мужику, который не вполне усвоил новые начальственные повадки, пришлось привыкать еще и к столыпинским новеллам. Не удивительно, что не все шло гладко, ведь в крестьянском понимании отсутствие конных стражников означает, что их *не слышат*. Эта ситуация трактуется в общине либо как нежелание вести диалог, либо как следствие недостаточной интенсивности «месседжа» – и в любом случае рассматривается как санкция для интенсификации агрессии.

Правительство не может уклониться от диалога, поскольку одновременно с развитием крестьянской активности происходит легализация достигнутых де-факто результатов и расширение номенклатуры притязаний. Причем крестьянские требования в принципе безграничны, они могут продолжаться вплоть до «крестьянских царей». Так вот, *Вопрос* крестьяне сформулировали: начиная с апреля 1917 г. они – косили, рубили, воровали, тащили, пилили... и даже пахали чужую землю... – но так и не дождались от государства никакого *Ответа*. Осенью 1917 г. отчаявшееся «достучаться до небес» крестьянство переходит даже к переделу земли. И здесь... диалог продолжают уже большевики.

Обоснование оборонительного характера крестьянских интеракций позволяет разобраться и с вопросом о *неожиданности* революций 17-го года. Для современников падение имперского, а затем и либерального правительств оказалось полной не-

ожиданностью, да и последующие разработки внятных оснований для коллапса российской государственности не выявили. Между тем, даже беглый анализ жандармских отчетов за период с января 1916 г. по февраль 1917 г. позволяет говорить о том, что жандармская социология уверенно тестировала наличие системного кризиса в российском обществе. «Знаком беды» для Казанской губернии, например, стали попойки в татарских деревнях (в других регионах были, конечно, свои «вензеля»). В ряде уездов Казанской губернии еще 1916 г. на Сабантуе (праздник плуга, отмечался мусульманами в связи с началом весенних полевых работ) было отмечено пьянство среди магометанского населения. Татарская пьянка жандармскими ана-

396

литиками была воспринята как нечто совершенно невообразимое и немыслимое (В дореволюционной России любая артель биндюжников считала необходимым завести кассира-татарина – именно потому, что была уверена: он не пропьет общественных денег). Однако губернские жандармы ограничились выяснением настроений среди татар и, убедившись в их «верноподданническом» характере (пьют «за Царя», «за Победу»..., «за Турцию» – *не пьют...*), – успокоились. В 1917 г. эта алкогольная практика продолжилась, получив самое широкое распространение.

Значительное влияние на состояние общины оказывали военнопленные, которые с 1915 по 1917 гг. размещались в поволжских деревнях. Свою роль в дестабилизации ситуации сыграли беженцы из западных губерний, которые были компактно расселены в районах Поволжья и Приуралья. Все эти элементы бросали вызов этике выживания и архитектуре сельского «мира». Поэтому после свержения монархии отмечалось массовое стремление местных мужиков (отпускников и раненых) любыми способами задержаться в своих деревнях. В апреле 1917 г. в деревнях уже скопилась критическая масса разного полуполюгального люда, который перешел к спонтанным акциям, вылившимся затем в системные проявления аграрной революции.

Исключавший государственное насилие либеральный стиль руководства, приверженность которому демонстрировало Временное правительство, был естественно понят общинниками как поощрение к дальнейшим экспериментам, а запоздалые и вялые попытки водворить по осени порядок – игнорировались. В итоге «общинная революция» была фактически завершена до октября 1917 г.

То есть еще до того как большевики захватили власть, деревня уже жила сама по себе, не обращая внимания на то, что происходило в центре. Получается, что «об-

щинная революция» и октябрьские события в Петрограде – это различные процессы, волею случая сошедшиеся во времени, под их тяжестью и рухнул имперско-патриархальный уклад, обеспечивавший стабильность и преемственность в обществе. Поэтому деятельность большевиков на первом этапе их пребывания у власти, когда главной задачей было ее сохранение, заключалась в реализации сценария Реконкисты страны крестьянской утопии. К началу 30-х гг. этот замысел удалось вполне реализовать. Все остальное – это уже другая история. Спасибо за внимание.

А.М. Никулин: Спасибо. Уважаемые коллеги, переходим к обсуждению прозвучавших докладов.

А.В. Гордон: *А.М.* сказал, что аграрного вопроса в древности не было. А потом вспомнил братьев Гракхов и *ager publicus*. Так

397

был ли в древности и, в частности, в Древнем Риме, аграрный вопрос или его не было?

А.М.: Аграрный вопрос предполагает осознание большей частью общества несправедливости распределения земельной собственности. Он возникает поэтому преимущественно в Новое время в связи с переходом от традиционного, сословного общества к индустриальному, гражданскому (основной принцип которого – равенство всех перед законом). В Древнем Риме существовал конфликт из-за распределения земли между плебеями и патрициями, точнее – сенатской знатью, но этот конфликт не охватывал все общество (само это понятие ограничено для эпохи рабства). Именно поэтому попытки Гракхов осуществить аграрную реформу могли представлять только ограниченный характер (выражая интересы свободного крестьянства) и имели мало шансов на успех.

А.В. Гордон: Вы акцентировали внимание на том, что аграрный вопрос связан с разложением традиционной общины. Но ведь это процесс циклический. Оно было в Древнем Риме, и оно оказалось одной из предпосылок выступления Гракхов. На каждом новом витке истории были такие моменты разложения общины. А потом она восстанавливалась, модифицировалась и т.д.

Вы вспомнили про Французскую революцию. Нельзя сказать, что якобинцы были сторонниками каких-то аграрно-коммунистических проектов.

А.М.: Они были сторонниками уравнительного распределения земли.

А.В. Гордон: Верно. Но если говорить об аграрно-коммунистических проектах и их авторах, то они были маргинальны для Французской революции. Это связано со следующим фактором. Вы, сравнивая Французскую и Русскую революции, сказали, что в результате Французской – утвердился институт частной собственности на землю, а в результате Русской – этого не произошло. Это было связано с тем, что во Франции институт частной собственности развивался еще до революции.

Ваши размышления по поводу позитивного права навели меня на мысль, что уже в Средние века во Франции была коллизия права писаного и обычного. Обычное право – это кутюмы. Писаное право – римское право. Оно утверждалось во Франции неравномерно. На юге оно утверждалось более решительно, и поэтому там феодализм не получил такого сильного развития как в других районах Франции. Если в зоне кутюмов был принцип – нет земли без сеньора, то на юге Франции был другой принцип – нет сеньора без титула, то есть без права, без договора.

398

Когда мы говорим о том, что аграрный вопрос в России появился в 1861 г., то впадаем в некую абстракцию. Его уже в XVIII в. при Екатерине II Уложенная комиссия рассматривала.

Я считаю, что в крестьянском вопросе отчетливо проявляется историческая преемственность. Мы думаем, что революция произошла, и все изменилось. Но это не так. Применительно к крестьянству многое воспроизводится. Почему это происходит? Почему мы все время выходим на одни и те же проблемы? Наверное, потому, что крестьянство – это гораздо больше, чем просто какое-то народонаселение. Это нечто такое, что связано с землей, а все вопросы, связанные с землей, – это вопросы, которые имеют под собой какую-то...

Т.А. Савинова: Метафизическую природу, которую нам не постичь.

А.В. Гордон: Да, с одной стороны, метафизическую природу... С одной стороны – это метафизика, а с другой стороны – это такой хлеб насущный, что никуда не денешься от него.

А.М.: Несколько комментариев. Когда возник аграрный вопрос в России? Я подчеркиваю, что аграрный вопрос возникает тогда, когда значительная часть населения считает, что существующее в обществе распределение земельной собственности является несправедливым. Я не думаю, что в эпоху Екатерины II такое осознание было. Как феномена массового сознания «аграрного вопроса» для этого периода не су-

ществовало. Применительно к этому времени целесообразно говорить, возможно, лишь о «крестьянском вопросе» – начале осознания передовыми мыслителями аморальности и неэффективности крепостного права. Аграрный вопрос как явление общественного сознания (представленного первоначально элитой правящего сословия) появляется в России в лучшем случае после Французской революции. Появляется не только в России, но и в других странах Центральной и Восточной Европы. В четком виде отделение *аграрного* вопроса от *крестьянского* происходит в России лишь после Великой реформы 1861 г., когда формируется конфликт права и справедливости в отношении распределения земельных ресурсов.

Когда я говорил об утопических идеях Французской революции, то имел в виду программу якобинцев, которая сводилась к уравнительному распределению земли, и коммунистические идеи, в частности, идеи Бабефа, которые можно, в известной мере, рассматривать как предпосылку большевизма.

В истории аграрных реформ существует определенная цикличность. Периодически в отечественной и мировой истории происходит возвращение к идее частной собственности на землю, потом

399

отступление от нее или поиск компромиссных форм. Скажем, в современном Китае существует пожизненная аренда земли. Ее нельзя рассматривать как продолжение коммунизма, потому что *de facto* эта земля находится в распоряжении крестьянина. Но это и не переход к частной собственности в том виде, в каком он был на Западе. Есть масса других промежуточных вариантов. Может быть, на какой-то стадии в России, как предлагал Поленов, пожизненная крестьянская аренда земли могла быть выходом из ситуации.

Сам поиск оптимальной модели решения аграрного вопроса связан с тем, что в обществе существует осознание его нерешенности. Этим объясняется, в частности, происходящее сегодня возрождение интереса к идеям Столыпина, несмотря на то, что прошло целое столетие после его реформы.

Н.Л. Рогалина: Новизна и актуальность того, что мы сегодня слышали, состоит в понимании сути аграрного вопроса как социального феномена Нового времени, непосредственно связанного с модернизацией традиционного общества в условиях товарно-рыночной перестройки. Она шла в дореволюционной России 30 лет – с 1883 по 1912 гг. С 1883 г. крестьяне начали приспосабливаться к товарно-денежным отноше-

ниям, к частной собственности, к рыночной специализации. Одни арендовали купчую землю, другие вынуждены были сочетать сельское хозяйство с разными формами отходничества и т.д.

Интересен анализ противоречий модернизации с позиций правового дуализма, с позиций конфликта позитивного закона и общественных представлений о справедливости. Вопрос о правовом дуализме во всей своей полноте ставили и юристы-государственники, и аграрники: П. Струве, Л. Литошенко, И. Ильин, Б. Бруцкус, А. Изгоев и др.

А.М. дал развернутую трактовку Великой реформы 1861 г. В ее основу был положен институциональный и философско-правовой подходы. Мне кажется, показателен вывод о том, что реформа была осуществлена без разрыва правовой преемственности с формулой социального компромисса, правового согласования интересов основных социальных слоев.

Столыпинская реформа была логическим завершением реформы 1861 г. Она была основана на компромиссности, наличии выбора, многообразии форм собственности и последовательном закреплении прав новых собственников. Мы слышали о знаменитом сегодня перуанском мыслителе Э. де Сото. Его приводят нам в пример. Но откуда он взял свои идеи? Посмотрите на второй этап столыпинской реформы, который относится к 1910–15 гг. Все усилия были брошены на то, чтобы закрепить групповое, в самой

400

общине, землеустройство. Почему мы делаем упор на первом этапе реформ – на единоличном выходе из общины? На втором этапе уже была упрощенная схема, более подходящая для наших условий. На землеустройство бросились все крестьяне с удовольствием. 6 млн было подано заявлений.

Что помешало? Война. Ушли в действующую армию все те, кто собирался пройти процедуру землеустройства. Большинство землеустроителей ушло в армию. Вот почему реформа сошла на нет. Но потребность была в ней очень большая.

В определенном успехе столыпинской реформы свою роль сыграли и профессионализм власти, и новое отношение крестьян к собственности. А как оно развивалось у крестьянства? Через рыночные отношения, через утилитаризм и прагматизм. Ответ на этот вопрос дал в своих книгах А.С. Ахиезер. Он как раз показывает, как

происходит переход от общности к обществу. Ведь не община, а кооперация все большую роль играла.

Следует сказать и о других инновациях, связанных со столыпинской реформой. По ее условиям земля стала принадлежать домохозяевам, а не семье. Это была правильная мера, потому что она позволяла привить частную собственность. В то же время реформа содержала в себе элементы патернализма. По столыпинскому законодательству землю можно было, уходя из общины, продавать только крестьянам. Для того чтобы не было спекуляции, разрешалось иметь не более 6 наделов. То есть существовали переходные формы от старого к новому. Положительные процессы в ходе столыпинской реформы нарастали, и этот факт нашел отражение в современной историографии. Здесь можно назвать работы О. Вронского, В. Тюкавкина и других исследователей.

Рассуждая о причинах столыпинской аграрной реформы, *Д.Л.* сказал, что государству нужны были деньги, и их выкачивали из крестьян. С. Хок, Б. Миронов и другие доказали, что 16% городского населения заплатило за индустриальную модернизацию путем косвенных налогов. А. Вайнштейн подсчитал, что в 1912 г. 18% чистого дохода уходило у крестьян на налоги и обязательные платежи, а остальные 3/4 они расходовали на свое хозяйство.

Причины революции сложные. На мой взгляд, главной причиной была война. Ведь в 1914 г. известный «общинник» Н. Огановский с тревогой говорил о том, что еще несколько лет, и, если колесо истории не повернется влево, Россия будет страной собственников. Мы поймем пафос этого его утверждения, если будем учитывать, что важнейшими элементами столыпинской реформы были землеустройство, культурная работа, кредитование и кооперация.

401

Безусловно, свою роль в дестабилизации ситуации сыграли ошибки государства. Когда начались «иллюминации» помещичьих имений, когда полыхнула «общинная революция»? После декларации В. Чернова. 28 июня 1917 г. он заявил о временном прекращении столыпинских разверстаний. Это было для крестьян как красная тряпка для быка. И после этого все покатилося. А в это время эсеры, Главный Земельный Комитет, буксовали в спорах по поводу все тех же норм и вопросов о справедливой оценке и т.д.

Несколько слов о кадетской аграрной реформе. Кадетская программа была хуже, чем столыпинская. Во-первых, они ошибались – не было *малоземелья*, было *относительное малоземелье*. У общин было 2/3 удобных для земледелия земель. Почему они не переносили культуры с барских полей? Хотели делить землю! Вот это и есть манихейство, общинность, которые изживались по мере товарно-рыночной перестройки и успешного развития столыпинской реформы.

А.М.: Я поддерживаю идею о необходимости изучения феномена правового дуализма, который сохраняется и в современной России. Н.Л. Рогалина не случайно вспомнила Э. де Сото и его книгу «Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире». Ответ на вопрос, сформулированный в названии этой книги, по мнению самого автора, состоит в том, что капитализм предполагает не просто рыночный обмен, но и существование стабильных институтов, деятельность которых регулируется правом. Если нет консенсуса по поводу базовых правовых норм, то капитализм в его классическом виде не работает. Это утверждение, справедливое в отношении России, подтверждается большим эмпирическим материалом по современным странам Азии и Латинской Америки.

Я согласен с тем, что институциональный подход очень важен. Но возникает вопрос: что такое институт? Если мы возьмем классических институционалистов, то они говорят, что институт – это некое консолидированное общественное отношение. Неоинституционалисты говорят, что существенное значение для института играют установленные правила игры – правовые нормы. Они, собственно говоря, образуют рамки института, его границы, систему информационных коммуникаций в нем. В любом случае, институты очень важны. Одна из главных задач модернизации как раз и состоит в создании современных эффективно работающих социальных институтов.

В этой связи встает проблема формирования современных институтов в странах второго и третьего эшелонов модернизации. Откуда взять институты, если их нет? Есть два варианта ответа

402

на этот вопрос. Одни говорят, что их нужно заимствовать. Другие – что их нужно выращивать. В случае реализации первого подхода неминуемо возникнет проблема совместимости искусственно трансплантированных институтов с традиционалистским сознанием большинства населения. Говоря иначе, встает вопрос: можно ли заимствовать капитализм из другой страны? Это вопрос, который требует обсуждения. Если

говорить об идее выращивания институтов, то это хорошая идея, но ее реализация требует длительного времени, которого, как правило, нет. В то же время без рациональных институтов современное государство существовать не может. Попытки решить эту дилемму зачастую обуславливают скачкообразный, силовой, форсированный характер модернизации.

Я должен прокомментировать тезис об экономических причинах Великой реформы 1861 г. Я считаю, что старый тезис о том, что крестьян «ограбили как липку» в 1861 г., совершенно не состоятелен.

В.В. Зверев: Почему не состоятелен?

А.М.: Я объясню. Во-первых, крестьяне получили вполне достаточное количество земли для ведения хозяйства, и если оно казалось им недостаточным, то причина – в отсутствии навыков эффективного земледелия.

Т.А. Савинова: Они 1/5 надела потеряли.

В.В. Зверев: 20% у них отрезали в 1861 г.

Н.Л. Рогалина: Это 1/5 только была...

Т.А. Савинова: Что значит только 1/5?

А.М.: Они получили значительно больше земли, чем современные колхозники.

Т.А. Савинова: А причем тут современные колхозники? Мы сейчас говорим о реформе 1861 г.

В.В. Зверев: Современный надел, который бывший колхозник получает на пай – 6 га.

Т.А. Савинова: А у них было 6 дес.

В.В. Зверев: 3,8 дес. получили крестьяне по реформе 1861 г.

Н.Л. Рогалина: 12 дес.

В.В. Зверев: Нет. Только в степной зоне получили по 11–12 дес. В среднем по России получили по 3,8 дес.

Н.Л. Рогалина: Это очень сильно разнится по областям.

В.В. Зверев: Я опираюсь на подсчеты П.Г. Зайончковского, Б.Г. Литвака, Н.М. Дружинина.

А.М.: Есть еще подсчеты Т. Эммонса и других.

В.В. Зверев: При всем уважении к Т. Эммонсу, подсчеты отечественных исследований более репрезентативны.

А.М.: Необходимо договориться о критериях оценки количества предоставляемой земли. Если исходить из того, что крестьяне до реформы имели много земли, то тогда количество земли было ограничено. Но если исходить из того, что до реформы они не имели земли, то, напротив, теперь они ее получили. Это вопрос оценочной позиции, который, как я стремился показать, был центральным в ходе дебатов об условиях крестьянского освобождения.

В.В. Зверев: Даже если исходить из Вашего правового подхода, то крестьяне в 1861 г. земли не получили. Они стали не собственниками земли, а пользователями. Это разные вещи.

А.М.: Крестьяне не были собственниками земли до завершения выкупной операции. После завершения выкупной операции они ими стали.

В.В. Зверев: Нет. 14 декабря 1893 г. был подписан Закон «О неотчуждаемости наделных земель», по которому крестьянин не мог этой землей распоряжаться. Более того, по этому закону, если крестьянин переселялся в Сибирь, то ему не полагалось даже компенсации. О какой мы говорим собственности?

Н.Л. Рогалина: Это контрреформы...

В.В. Зверев: Это не имеет значения. Возникает вопрос: почему Александр III вынужден был пойти на контрреформы? Кстати сказать, термин «контрреформы», введенный представителями российской либеральной историографии, весьма спорный. Контрреформы затронули судебную сферу, сферу образования и т.д. Но в то же время происходила существенная модернизация экономики. Экономика развивалась, и развивалась отнюдь не по либеральным рецептам 1860–70-х гг. Политика «открытых дверей» привела к тому, что экономика была разбалансирована. Действия Александра III были продиктованы необходимостью решения проблем экономического развития. Эта необходимость привела к тому, что начали предприниматься меры, направленные на сохранение общины. В немалой степени они были обусловлены следующим обстоятельством: по подсчетам российских экономистов 1890-х гг., которые подтверждаются и исследованиями А.М. Анфимова, в конце XIX в. в российской деревне было 23 млн незанятых рабочих рук, а к 1913 г. их число увеличилось до 28 млн. Какой каркас «моральной экономики» может это выдержать?

Если говорить о столыпинских реформах, то где укрепились хутора и отруба?

Н.Л. Рогалина: На Западе и в Центре (Воронежская губерния).

В.В. Зверев: На Западе, на Юге, в определенной степени в Поволжье (и то не везде). Центр остался фактически нетронут. А в 1911 г. кулаков по всей стране уже начали активно жечь.

404

А.М.: Я все-таки считаю, что по итогам реформы 1861 г. крестьяне получили не так мало земли, особенно в сравнительном отношении. Это первое. Выкупная операция была осуществлена государством. Это второе. Наконец, третье: я согласен с тем, что никакого малоземелья не было. Это был вопрос производительности труда. Немецкий крестьянин с меньшего количества земли получал гораздо больший урожай. Просто русские крестьяне не использовали достижения агрономической науки, и поэтому урожай был низким. При этом говорили, что им не хватает земли.

Если сравнивать кадетскую аграрную программу и столыпинскую, то надо иметь в виду, что обе программы полностью не реализовались. Когда я говорил о кадетской программе, то имел в виду прежде всего вопрос о преемственности отношений собственности и перераспределении имущества. Столыпин не ставил четко этот второй вопрос. Он предполагал, что перераспределение земельной собственности произойдет постепенно в силу рыночных законов – через Крестьянский и Дворянский банки. Сохранение *status quo*, которое он декларировал, означало сохранение дворянских, государственных и церковных земель за прежними собственниками. Необходимо учитывать, далее, что внутри кадетской партии существовали различные точки зрения, и поэтому говорить о единой позиции кадетской партии по аграрному вопросу трудно. Там была представлена позиция, близкая к социалистической, и была либеральная позиция, например, точка зрения Л. Петражицкого, который говорил, что не следует вообще ставить вопроса о перераспределении земельных ресурсов государством.

В.В. Зверев: Ссылаюсь на подготовленную МГУ к 130-й годовщине отмены крепостного права в России учениками П.А. Зайончковского работу «Великие реформы России. 1856–1874». В статье С. Хока содержится анализ выкупной операции, в основу которой была положена спекулятивная банковская операция, не стоившая государству ни копейки. Более того, 40% русских помещиков от этой операции вообще ничего не получили, потому что 66% крепостных крестьян были заложены-перезаложены в Государственном банке. 60% помещиков деньги получили, но только в виде 5% выкупных свидетельств, которыми было запрещено торговать на бирже. По

подсчетам Н.М. Дружинина, после отмены крепостного права соотношение между доходностью надельной земли у помещичьих крестьян и выплатами, связанными с выкупной операцией, подушной податью и т.д. составляло 100% к 180%. У государственных крестьян это соотношение составляло 100% на 100%. Ободрали или не ободрали русского мужика? Ободрали как липку!

405

По подсчетам уже неоднократно упоминавшегося Дружинина, за 20 лет с 1861 по 1880 гг. производительность труда в русской деревне, несмотря на эти страшные условия, выросла на 0,2%. Слава Богу, что она еще выросла! Это в свое время наш прекраснодушный «аграрник» В. Селюнин мог себе позволить написать, что получив землю, русский крестьянин вздохнул свободно и развивался. Ничего подобного!

А.М. Анфимов в одной из работ, опубликованных в 70-е гг., сравнил экономическое положение русского кулака и немецкого грессбауэра. Он доказал, что русский кулак, в какой бы он самой урожайной губернии не находился, по своему экономическому положению как минимум в 2 раза уступал немецкому грессбауэру. Почему? Ответ один. Потому что в Пруссии правительство оплатило значительную часть выкупа и все административные расходы. В Австрии, кстати, государственная помощь была еще больше.

Не надо забывать и о том, что выкупные платежи русский мужик платил до 1907 г. Недоплатил всего-навсего 4 года.

Теперь о вариантах решения аграрного вопроса в России. Русским экономистам конца XIX в. решение аграрного вопроса виделось отнюдь не в уравнительной плоскости. Внимательный анализ их работ показывает, что аграрный вопрос был вопросом о форме хозяйствования. Рассматривались два варианта решения аграрного вопроса – или фермерский путь, или кооперирование. Путь кооперирования представлялся более мягким, более подходящим для российских условий.

Или другой пример. В 1906 г. в Санкт-Петербурге по рукам ходило письмо сегодня полузабытого экономиста и журналиста Г.П. Сазонова П.А. Столыпину. В нем Сазонов обвинял Столыпина в том, что он проводил в жизнь марксистскую программу, реализация которой приведет к разорению русского крестьянства и приходу к власти радикально настроенных социалистов. Понятно, что это утверждение уже тогда воспринималось многими как утрированная критика главы правительства. Но что лежало в ее основе? Сазонов вполне обоснованно доказывал, что реализуемая модель

модернизации приведет к гигантскому социальному взрыву, что и произошло. При этом необходимо учитывать, что сам автор придерживался консервативных взглядов. Это к вопросу о роли правительства и его действиях.

Я искренне благодарен *А.М.* за провокативную постановку вопроса. Проблема соотношения права и морали интересна и актуальна. Я убежден, что и сегодня в российском массовом сознании справедливость стоит выше закона. Но наряду с этим, из рассмотрения нельзя исключать и такой важный момент, как характер

406

собственности и его влияние на право. Мы часто забываем, что характер свободы человека и общества в целом определяется характером собственности. Ограничиваться только социопсихологическими моментами нельзя. Такое ограничение – это сужение рассмотрения вопроса.

Я согласен, что никакой революционной ситуации перед 1861 г. не было. Тезис о революционной ситуации – это известный политический, спекулятивный тезис Ленина, который впоследствии развивали в своих работах академик М.В. Нечкина и ее группа. В выступлении *А.М.* произошло своеобразное противопоставление понятий «революция» и «реформа». На мой взгляд, их нужно рассматривать не в контексте «или революция, или реформа», а в контексте «революция и реформа» – между ними существует и логическая, и диалектическая взаимосвязь. Неудавшаяся реформа или реформа, которая не просчитана на несколько шагов вперед, приведет к накоплению новых серьезных проблем, которые, накладываясь на старые нерешенные вопросы, могут привести к социальному взрыву. В свою очередь, неудавшаяся революция может привести к реакции. Возможна и ситуация, о которой писал еще Н.Я. Эйдельман, когда при определенных условиях власть решается на кардинальные преобразования, «революцию сверху». При этом необходимо помнить, что всякая реформа имеет строго определенный лимит времени и запас доверия масс. Ликвидация крепостничества на 40 лет сняла остроту аграрного вопроса. До 1902 г. в стране крупных крестьянских выступлений не было. Но в 1902 г. рвануло на Харьковщине, в Полтавщине, а потом перекинулось в другие районы страны. Почему?

Как мне кажется, достаточно обратиться к двухтомной «Социальной истории России» Б.Н. Миронова, в которой он блестяще показал, что по своему социопсихологическому типу русский мужик был человеком смирным. По количеству преступлений на 1000 лиц разных сословий в конце XIX – начале XX вв. он находился на пред-

последнем месте (на последнем были священнослужители). Но если русского мужика, который по своему характеру был эпилептоидом (не знавшим «золотой середины» в принятии решений), довести до точки кипения, то это неминуемо приводит к гигантскому социальному взрыву. Этот взрыв и начался в 1902 г. Он стал реальностью еще и потому, что от тех 3,8 дес., которые русский мужик получил по реформе 1861 г., осталось 2,5 дес. Весь вопрос в том, как необходимо было действовать правительству и как решать аграрный вопрос.

В.В. Бабашкин: Преобладающие сегодня благодушно-позитивные оценки крестьянской реформы 1861 г. во многом объ-

407

ясняются стремлением авторов отмежеваться от ряда позиций официальной советской историографии, которая аттестовала эту реформу как пропомещичью и исключительно грабительскую в отношении крестьянства. Между тем, уместно вспомнить, как сами крестьяне отреагировали на реформу. Пример: события в селе Бездна Казанской губернии – это только то, что вышло на поверхность из-за зверской жестокости царских усмирителей (51 убитый и 77 раненых). Специалисты утверждают, что подобное отношение к тому, как разрешились реформаторы от бремени перенесенной уже реформы, крестьяне обнаруживали повсеместно.

Многие помещики, оказавшись в ситуации, когда их земля обналичивалась в звонкой монете, потянулись в города. В течение пореформенного сорокалетия земельная аристократия утрачивает в глазах крестьянства моральное право на крупное землевладение, поскольку, по отношению к нему, откровенно пренебрегает своими морально-экономическими обязанностями. Это и стало главным горючим материалом революционных событий первых десятилетий XX в.

В.В. Кондрашин: Я солидарен с тезисом *А.М.* о том, что суть аграрного вопроса в России заключалась в осознанном крестьянством факте несправедливого распределения земельных ресурсов. Об этом в свое время писал В.П. Данилов, обосновывая свою концепцию «крестьянской революции в России». Реформа 1861 г. своей продворянской направленностью и ущемлением земельных прав крестьян заложила мину замедленного действия, которая взорвалась в начале XX в. Российские крестьяне, несмотря на все усилия царских реформаторов, так и не признали частную собственность на землю. Неудача столыпинской аграрной реформы в бывших районах крепостного права – наглядное тому подтверждение.

Причина неудачи политики, направленной на ликвидацию общины, заключалась в том, что крестьяне, в условиях малоземелья и наступления товарно-денежных отношений, видели в общине своеобразную систему коллективной безопасности, спасавшую их от окончательного разорения и голода.

А.М.: Если говорить о подсчетах, то есть подсчеты, сделанные в дореволюционной историографии, есть подсчеты советских историков, есть подсчеты, сделанные историками современной американской школы ревизионизма, которые учитывают также и подсчеты школы Зайончковского, сделанные в советское время. Все они дали разные результаты. Это произошло потому, что в их основе лежали различные методологические подходы. Когда мы рассуждаем на эту тему, то необходимо помнить, что и в начале XIX в., и в период подготовки реформы 1861 г. обсуждался

408

вопрос о том, нужно ли освобождать крестьян от крепостной зависимости бесплатно или их нужно освобождать за деньги. Была точка зрения, что свобода стоит денег и крестьяне должны за это заплатить. Так считали не только крепостники. Так считал, например, просвещенный Н. Мордвинов. Поэтому возникают вопросы: Сколько стоит свобода? Сколько стоит земля? Из каких формул исходить при подсчете земли? Свести все дело к бухгалтерскому подсчету того, сколько получили крестьяне – это непродуктивный подход. Потому что суть реформы состояла в достижении компромисса, который обеспечивал сохранение преемственности отношений собственности. Надо помнить, что в канун реформы земля юридически была помещичьей собственностью. Говорить о том, что крестьяне получили меньше земли чем помещики – значит говорить очевидную истину. Дело в том, однако, что крестьяне что-то *получили*. Более того, государство участвовало в процедуре выкупа, причем участвовало активно. Вы говорите о том, что это была спекулятивная операция. Ну и что в этом плохого? Это была попытка путем использования рациональных экономических мер избежать революции. Что было сделано очень эффективно: социальные издержки реформы оказались очень низкими (выступление крестьян в Бездне, на которое всегда ссылаются – статистически незначительный факт проявления насилия для преобразований такого масштаба – сравните с гражданской войной в США того же времени). Поэтому я не стал бы возвращаться к подсчетам Анфимова и других советских историков, которые доказывали правильность ленинской точки зрения, не имея возможности отстаивать

какую-либо другую. В силу известных обстоятельств результат этих подсчетов был задан заранее. Есть современные исследования, с другими выводами.

Я очень признателен за оценку постановки проблемы о роли конфликта позитивного права и традиционалистских представлений о справедливости в процессе модернизации. Это действительно центральный вопрос, который нужно обсуждать. И его постановка не является сужением проблемы. Я вовсе не элиминирую значение экономики. Но моя позиция состоит в том, что экономика влияет на политику не прямо, а опосредованно. При одних и тех же исходных экономических условиях возможны совершенно разные, даже принципиально разные результаты социального конфликта. Фундаментальная ошибка советской интерпретации марксизма состоит в том, что она политические формы выводила непосредственно из состояния экономики.

Я пытаюсь ввести новое понимание роли экономики, и ответить на вопрос, как экономические реалии отражаются в сознании.

409

Надо сказать, что не только экономика определяет ход исторического процесса. Он во многом детерминируется моралью. Я считаю, что Великая реформа определялась не столько экономическими, сколько моральными соображениями. В современной литературе показано, что экономически крепостное право отнюдь не полностью утратило эффективность и могло, во всяком случае, некоторое время, продолжать свое существование и исчезнуть, так сказать, эволюционным путем.

В.В. Зверев: Ну, это Струве!

А.М.: Это не только Струве!

В.В. Зверев: Это давно оспоренные идеи Струве.

А.М.: Хорошо. Допустим, мы не согласимся со Струве. Сходная точка зрения высказывается в историографии по поводу рабства в США. Рабы были эффективны на табачных плантациях, потому что их использование как «говорящих орудий труда» стоило дешевле привлечения дорогостоящей техники. Если относиться к крепостному или рабу как к инструменту, который не требует много расходов, но приносит прибыль, то, основываясь на чисто марксистской экономической точке зрения, можно легко доказать, что внеэкономическое принуждение при известных условиях оказывается вполне рентабельно. Не эта ли логика действовала в период создания колхозов и лагерей ГУЛАГ, где использование бесплатного труда заключенных осуществлялось

безотносительно к уровню их физического истребления? Но очевидно, что такая примитивная экономическая логика ведет в тупик.

Есть другая точка зрения, согласно которой моральные соображения стали важнейшей причиной отмены крепостного права. Фундаментальная истина состоит в том, что использование крепостного труда стало прежде всего морально неприемлемым, а потому и экономически невыгодным. Так же как и рабского труда. Такие проблемы как крепостное право в России, рабство в США, апартеид в ЮАР – требовали моральных, а не экономических решений. Сводить эти проблемы к экономике – неправильно и наивно.

Перехожу к вопросу о соотношении революции и реформы. Я согласен с тем, что в обществе всегда существуют альтернативы и что революции и реформы взаимосвязаны друг с другом. Для меня главным является вопрос о том, как избежать революции, как сохранить стабильность отношений собственности и преемственность в развитии правовых институтов. Я считаю, можно согласиться с Токвилем в том, что радикальная реформа решает задачи революции, не используя ее средств. В этом состоит вся суть продуманной стратегии модернизации. В этом смысле Столыпин сделал очень многое. Ему удалось, может быть на короткое время,

410

остановить революцию. Если бы он мог продолжить свой курс, элиминировать или ослабить воздействие деструктивных внешних факторов, то, вполне вероятно, удалось бы избежать «Великого Октября». Это, наверное, многим неприятно, но такое предположение вполне допустимо.

Несколько слов по поводу «революции сверху». «Революция сверху» – это радикальная реформа, которая правовыми методами изменяет существующие отношения собственности. Великая реформа 1861 г. – это настоящая «революция сверху». «Революция сверху» – это полноценная альтернатива революции «снизу», востребованная во многих странах. Те страны, которым удалось избежать кровавой революции, как раз и использовали данную стратегию.

Савинова Т.А.: Я не могу согласиться с тезисом *А.М.* о том, что аграрный вопрос – это теоретическая конструкция, и с его отрицанием экономической составляющей аграрного вопроса. При этом сам докладчик оперирует такими понятиями, как формы землевладения и землепользования, порядок распределения, способ приобретения земли и т.д., которые предполагают не только правовую, но и экономиче-

скую составляющую. Хозяйство – вещь прежде всего практическая, затем метафизическая, и только потом правовая. Крестьянское хозяйство – особенно.

Совершенно прав *Д.Л.*, говоря о том, что процессы, протекавшие в крестьянских общинах, имели собственное содержание. Даже выдающийся землеустроитель русских крестьян А. Кофод удивлялся их нежеланию становиться единоличными хозяевами и отмечал чрезвычайную неравномерность выхода из общины по территории Европейской России.

В противовес сторонникам столыпинской реформы хотелось бы напомнить, что именно в начале XX в. в России появилась группа агрономов и экономистов, предлагавших несколько иное решение вопроса. Я говорю об организационно-производственной школе, ядро которой составляли А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников. По данным Макарова, к 1913 г. в России было около 15,7 млн крестьянских хозяйств с площадью надела до 50 дес. Именно они составляли основу сельского хозяйства страны, и именно в грамотной организации их деятельности эти экономисты видели залог успешного решения аграрного вопроса. Основой деятельности крестьянского хозяйства, согласно Чаянову, был организационный план, учитывающий его трудопотребительский баланс, отраслевую направленность, отношения с рынком, промыслами и кооперацией. Гибкость теории позволяла воспользоваться ею как единоличным, так и общинным хозяйствам. Впрочем, для

411

реализации такой политики в масштабе всей страны, по мнению экономистов, требовалось бы время не меньшее, чем в свое время просил Столыпин для реализации своих реформ. К сожалению, такой возможности история не дала.

С.Ю. Разин: Андрей Николаевич [*Медушевский*], как же можно говорить о том, что столыпинская аграрная реформа предотвратила революцию? Она, во-первых, была результатом революции 1905 г., а во-вторых, стала одним из факторов, приведших страну к революции 1917 г. О какой удаче столыпинской реформы можно говорить, если первыми, кого пошли громить общинники в 1917 г., были отрубники и хуторяне?

А.М.: Столыпинская реформа действительно была результатом революции. Но в то же время она была попыткой остановить революцию. Столыпину это удалось. Столыпинские реформы имели позитивный результат, но не были доведены до конца. Иллюстрацией того, как могла бы развиваться Россия в случае успешного продолжения столыпинских реформ, является современный Китай. Дэн Сяопин и его преемники

после величайшей трагедии «Большого скачка» и «Культурной революции», оставивших страну в руинах, предприняли в Китае реформы, подобные тем, которые Столыпин не успел завершить в России.

Д.Л.: Позволю себе ответить на прозвучавшие вопросы и прокомментировать нашу дискуссию.

Что касается времени начала и конца столыпинской реформы, то началась она на самом деле в 1910 г., когда начались первые землеустроительные мероприятия, а закончилась (во всяком случае, в Среднем Поволжье) уже к 1914 г.

Н.Л. Рогалина: Вы же только свой регион берете?

Д.Л.: Да. Но я считаю, что Россию, в этом смысле, нельзя рассматривать как единую страну, и единый подход ко всем регионам применять вообще нельзя.

Касаясь вопроса о том, кто заплатил за флот, необходимо сказать, что ответы на вопросы: «Кто заплатил?» и «Кто должен был заплатить?» – могут существенно различаться.

Н.Л. Рогалина: Я про флот не говорила. Я говорила про индустриальную модернизацию.

Д.Л.: Индустриальная модернизация имела своей подоплекой строительство dreadnought флота и перевооружение армии. Правительство же не собиралось просто так понастроить заводов. Оно хотело создать новый флот. Занимать у французов и переложить налоговое бремя на горожан правительству пришлось именно потому, что ему не удалось заставить крестьян заплатить за это. Но это вовсе не значит, что Столыпин не желал это сделать.

412

Что касается времени начала общинной революции, то началась она не в июне, а в марте 1917 г. И началась, как С.Ю. Разин верно отметил, с разгрома отрубников и хуторян. До помещиков дело дошло приблизительно в мае. И дошло по той причине, о которой я здесь упоминал: государство цинично отказывалось от того, чтобы вступать с крестьянами в диалог по поводу их поправных прав.

Н.Л. Рогалина: Оно защищало помещичьи имения.

Д.Л.: Оно не защищало помещичьи имения. Имения защищались в 1907 г., а в 1917 г. их было не кому защищать. Загнать в деревню милиционеров было невозможно. В сентябре то, что осталось, стали защищать уже воинскими командами. А все лето крестьяне и помещики один на один, лицом к лицу, противостояли друг другу. И те

землевладельцы, которые пользовались расположением крестьян, сохранили и голову, и имения, а те, которые не пользовались, могли потерять и то, и другое. В Казанской губернии нередкой была ситуация, когда буквально соседние имения: одно – горело, другое – стояло. Это объясняется не настроением крестьян, а отношением крестьян к помещикам.

Что касается крестьянского *малоземелья*, то оно *было*. При этом в центральных и поволжских губерниях ощущалось достаточно остро. Если в центре низкое качество земли обусловило низкую эффективность хозяйства, то в Поволжье земля была гораздо лучше, но имевшиеся в распоряжении крестьян ресурсы не позволяли им эффективно вести хозяйство. Хочу обратить внимание и на положение инородческого населения (татары, чуваша и т.д.). У них ситуация была еще тяжелее. Если русские крестьяне в начале XX в. имели 3,4–3,8 дес. земли на ревизскую душу (то есть на хозяйство), то инородческое население вынуждено было перебиваться 2,3–2,5 дес.

Дело осложнялось тем, что в 1861 г. крестьяне потеряли свободный доступ к помещичьим угодьям, которые они рассматривали как свои. Основная масса конфликтов и в 1906 г., и в 1907 г., и в 1917 г. связана вовсе не с землей, а с угодьями. В 1917 г. дележка земли начинается только осенью. А до этого объект вожделений: дрова, сено и продовольствие, которое землевладельцы сдавали по продразверстке, начавшейся в 1916 г.

Касаясь постановки вопроса о фермерстве и кооперации, напомним, что изначально семинар «*Современные концепции...*» одной из центральных своих задач ставил задачу разведения понятий «экономика» и «хозяйство». Сейчас я вынужден констатировать, что в отечественной историографии они «слиплись» снова в один и тот же термин. Применительно к предмету нашей дискуссии такое понимание неверно. Экономически крепостное хозяйство

413

никогда не было выгодно. Но как хозяйство, построенное на внеэкономическом принуждении и обмене взаимными неоплачиваемыми услугами, оно позволяло обеспечивать жизненные интересы всех его участников.

Традиционная система хозяйства в результате «Великих реформ» получила страшный удар, от которого она пыталась оправиться. Но внешние события (прежде всего, Русско-японская и Первая мировая война) привели к тому, что это не удалось.

Это я к тому, что фермерское хозяйство и кооперация в отечественной аграрной практике никоим образом друг другу не противоречили. На юге страны фермерское хозяйство, возможно, было более перспективным. В Поволжье были более эффективны другие формы. Что касается Центрального региона, то там крестьянское хозяйство было обречено пойти под нож модернизации.

В.Б. Безгин: Концептуальная новизна и убедительность аргументации доклада *А.М.* являются основой для научного переосмысления содержания аграрного вопроса в России. Докладчик обосновано акцентировал внимание на существовании правового дуализма в пореформенной деревне. На наш взгляд, реформаторы совершенно справедливо не пошли на то, чтобы распространить действие позитивного права на крестьянство. В то же время, посредством легитимации волостного суда и утверждением суда мирового, были созданы условия для постепенного сближения двух правовых систем на основе приоритета официального законодательства. Такая тенденция в пореформенный период проявилась вполне определенно. Модернизация российского общества сопровождалась правовой эмансипацией крестьян. Неуклонно росло число обращений в волостные и мировые суды, усилилось стремление крестьян решать правовые коллизии на основании закона. Камнем преткновения стала проблема частной собственности на землю. В начале XX в. в сознании большинства крестьян собственность на землю могла быть только общинной, и последующий «черный передел» 1917 г. – свидетельство тому. Проблема, на наш взгляд, заключалась в том, что смысловое содержание ключевых понятий аграрного вопроса: «право» и «справедливость» – для просвещенного общества и «молчаливого большинства» было различным. Этим объясняется, с одной стороны, фактический провал «хуторизации» в земледельческих губерниях Центра России, а с другой стороны, успех коллективного землеустройства в ходе столыпинских преобразований. Да и результат общинной революции был вполне закономерен и обусловлен традиционными крестьянскими представлениям о «праве» и «справедливости».

414

В докладе *Д.Л.* обсуждаемая проблема получило свое логическое развитие. Важен вывод докладчика о том, что произошедшие в архитектуре моральной экономики изменения, вызванные реформой и ее последствиями, не были закреплены традициями и моралью. Разве не в этом объяснение той легкости, с которой были ликвидированы в деревне хозяйства хуторян и отрубников (как, впрочем, и торжества общинной

архаики в целом)? Усилия власти в ходе аграрных преобразований начала XX в. вызвали к жизни механизм самосохранения общины. Вполне закономерно, что политическое фиаско Самодержавия, и, как следствие, слабость власти в центре и на местах, стали благодатной почвой для решения извечного для крестьян вопроса – земельного. Его реализация могла быть осуществлена только на основе крестьянского менталитета, в рамках привычного сельского «мира» и посредством традиционного механизма – общины.

П.П. Марченя: От имени оргкомитета нашего семинара рад констатировать, что его первое заседание состоялось. Оно оказалось интересным и, хочется верить, небесполезным. Я согласен с уважаемым *А.М.*, что для понимания причин аграрной революции (и вообще революции) в России важны не только и не столько социально-экономическая и классовая, но и коммуникативно-информационная, и социально-психологическая составляющие революционного процесса. Однако объяснение всего случившегося через ситуацию неразрешенного «правового дуализма» и отсутствие правовой доктрины, способной «снять» этот «дуализм» (чем в конечном итоге сумели воспользоваться лишь «левые экстремисты»), не кажется мне достаточным. Сложно согласиться с представлением, что абсолютное большинство населения всей нашей огромной страны усилиями незначительной радикальной группы было увлечено не поиском Правды, а исключительно «разрушением позитивного права»...

В докладе уважаемого *Д.Л.* та же история прозвучала как постмодернистский анекдот про извращенный социальный коитус Власти и Народа. Власть выглядит особенно неприглядно, она озабочена тем, как бы крестьянство не только к бесплатной государственной любви принудить, но и заодно из карманов все вынуть. А потом – вопреки обычаю – не утешить, на закономерно недовольную реплику – не ответить, даже не пригрозить как следует. Да еще и дверью громко хлопнуть, грубо нарушив ритуал единения – и спровоцировав тем самым большую семейную склоку. Так роль крестьянства в истории Великой русской смуты и революции фактически сведена к роли жертвы насилия внутри семьи. Взгляд интересный, но специфический... Сегодня в самом деле прозвуча-

ли очень разные доклады, и неслучайно они вызвали столь бурное обсуждение. Очевидно, так и должно быть. Крестьянский вопрос – это «гордиев узел», а не бантик, который легко развязать, потянув за любой конец. У крестьянского вопроса действи-

тельно много сторон, поэтому нашему семинару в ближайшие 100 лет не грозит отсутствие предмета споров.

А.М. Никулин: В заключение я тоже хочу сделать несколько комментариев по поводу нашей сегодняшней дискуссии. Что такое аграрный вопрос и когда он возникает? Мне кажется, что аграрный вопрос подразумевает обострение социальных противоречий (как морально-нравственных, так и политико-экономических) в сельской сфере. Такие противоречия в свое время обострялись и в Римской империи, и в великих азиатских цивилизациях. Если они не разрешались правовым путем, то приводили к беспорядкам, к гражданским и крестьянским войнам. Революция 1917 г. – это одно из величайших событий в области разрешения аграрного вопроса.

Очень хорошо, что тема аграрного вопроса была поставлена в плоскости соотношения права и морали. Но мне представляется, что не стоит элиминировать и экономическую проблематику. Не надо из нее делать «бумажного тигра» и говорить, что марксисты все сводят к экономическому детерминизму, а народники лишь ищут некий универсальный количественный показатель соотношения справедливости и эффективности. Между прочим, сам термин «моральная экономика» был введен в научный оборот британским марксистом Э. Томпсоном. Моральная экономика включает в себя тончайшие психологические и социальные нюансы, особенности менталитета и т.д. Даже в нашей дискуссии мы вроде бы пытались говорить о праве и морали, но, обратите внимание, так часто переходили к экономическим вопросам. Я считаю, что необходим междисциплинарный и многофакторный подход к изучению всех составляющих аграрного вопроса. В нем важную роль играют и проблема соотношения крупного и мелкого хозяйства, и проблема соотношения справедливости и эффективности, и, конечно, демографическая проблема сельского перенаселения, которая стала одной из главных причин революционного взрыва в России. Наряду с аграрным вопросом, узловыми проблемами модернизации начала XX в. являлись рабочий и национальный вопросы. В российских условиях эти вопросы очень переплетались друг с другом. Очень хорошо, что *Д.Л.* в своем выступлении на материалах Казанской губернии показал регионально-национальную специфику аграрного вопроса.

Закончить хочу вопросом о том, стоит ли отделять изучение аграрного вопроса от изучения революции. В начале XX в. и революционеры, и либералы,

и консерваторы в своих теоретических построениях намертво соединили аграрный вопрос с революцией. Если огромный пласт русской интеллигенции, от самых умеренных до самых радикальных, так ставил вопрос и действовал в этом направлении, то можем ли мы разделять изучение аграрного/крестьянского вопроса и русской революции? Ну вот, пожалуй, и все. Еще раз спасибо всем за участие в сегодняшнем заседании.

Краткое библиографическое описание:

Марченя П. П., Разин С. Ю. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. – М., 2012. – С. 375–416.

Полное библиографическое описание:

Марченя П. П. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7; под ред. А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой, Т. Шанина; [Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук]. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 375–416.

Другие публикации проекта см.: <http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj>